

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.095-107

И. А. Клепицкий*

Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве¹

Аннотация. Вопрос о правовой природе и об обязательности разъяснений Верховного Суда РФ остается дискуссионным в литературе. Суды при рассмотрении уголовных дел не всегда следуют постановлениям Пленума Верховного Суда. Представляется, что разъяснения Верховного Суда, не будучи источником уголовного права, имеют тем не менее обязательную силу для судов и должностных лиц, применяющих нормы уголовного права. Это общее правило, из которого есть исключения. Первое: есть ошибочные разъяснения Верховного Суда, не основанные на сложившейся судебной практике и не поддержанные ею. Второе: есть устаревшие разъяснения Верховного Суда, не отвечающие современным правовым реалиям. Третье: есть разъяснения Верховного Суда, которые применительно к конкретной ситуации требуют расширительного или ограничительного толкования. В означенных трех ситуациях буква разъяснения Верховного Суда правоприменителя не связывает. Обязательность разъяснений Верховного Суда предопределяется ценностью права как такового. Вопросы права требуют единообразного разрешения. Альтернативой единообразному толкованию закона является произвольное администрирование. Произвольное администрирование не входит в компетенцию судьи. Прецедентное право в России отсутствует. Труды правоведов в современной России также не могут удовлетворить потребность в единообразном толковании закона. Значение разъяснений Верховного Суда определяет высокие требования к их качеству. Разъяснения Верховного Суда не должны прямо противоречить закону. Разъяснения Верховного Суда не должны меняться при отсутствии в этом острой необходимости. Правило *nullum crimen, nulla poena sine lege*, будучи достижением правовой культуры, связывает Верховный Суд. Разъясняя практику применения закона, Верховный Суд формирует и сохраняет судебную доктрину, обеспечивая тем самым правовую определенность.

Ключевые слова: уголовное право; Россия; источники права; уголовный закон; судебная доктрина; разъяснения Верховного Суда РФ; постановления Пленума Верховного Суда РФ; *nullum crimen, nulla poena sine lege*.

Для цитирования: Клепицкий И. А. Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 95–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.095-107.

¹ Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

© Клепицкий И. А., 2021

* Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
oupi@ya.ru

Binding Nature of the Supreme Court of the Russian Federation Explanations in Criminal Law²

Ivan A. Klepitskiy, Dr. Sci. (law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
oupi@ya.ru

Abstract. The question of the legal nature and the binding nature of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation remains debatable in the literature. When considering criminal cases, the courts do not always follow the decisions of the Plenum of the Supreme Court. It seems that the explanations of the Supreme Court, while not being a source of criminal law, are nevertheless binding on courts and officials applying the norms of criminal law. This is a general rule, to which there are exceptions. First, there are erroneous explanations of the Supreme Court, which are not based on the established judicial practice and are not supported by it. Second, there are outdated explanations of the Supreme Court that do not meet modern legal realities. Third, there are explanations of the Supreme Court, which, in relation to a particular situation, require an expansive or restrictive interpretation. In these three situations, the Supreme Court's explanations do not bind the law enforcement officer. The binding nature of the Supreme Court's explanations is determined by the value of the law as such. Questions of law require a uniform resolution. An alternative to a uniform interpretation of the law is arbitrary administration. Arbitrary administration is not within the competence of the judge. There is no case law in Russia. The works of legal scholars in modern Russia also cannot satisfy the need for a uniform interpretation of the law. The significance of the explanations of the Supreme Court determines the high requirements for their quality. The Supreme Court's explanations should not directly contradict the law. The Supreme Court's explanations should not change unless there is an urgent need to do so. The rule *nullum crimen, nulla poena sine lege*, being an achievement of legal culture, binds the Supreme Court. By clarifying the practice of applying the law, the Supreme Court forms and preserves judicial doctrine, thereby providing legal certainty.

Keywords: criminal law; Russia; sources of law; criminal law; judicial doctrine; explanations of the Supreme Court of the Russian Federation; decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; *nullum crimen, nulla poena sine lege*.

Cite as: Klepitskiy IA. Obyazatel'nost' raz'yasneniy Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v ugovnom prave [Binding Nature of the Supreme Court of the Russian Federation Explanations in Criminal Law]. *Lex russica*. 2021;74(6):95-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.095-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Правильное законодательство должно быть
верховой властью, а должностные лица... должны иметь
решающее значение только в тех случаях,
когда законы не в состоянии дать точный ответ,
так как не легко вообще дать
вполне определенные установления
касательно всех отдельных случаев.

Аристотель. Политика

Вопрос о правовой природе и об обязательности разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики — предмет продолжительной дискуссии как в теории права, так и в отраслевых юридических науках. В настоящее время в литературе представлены противоположные точки зрения по этому вопросу: разъяс-

нения высшей судебной инстанции могут трактоваться в качестве обязательных для всех лиц, применяющих закон, в качестве обязательных только для судов, а иногда и в качестве имеющих не обязательный, а сугубо рекомендательный характер³. Для уголовного права вопрос этот особенно болезнен, поскольку затраги-

² The research was carried out according to state task No. 075-00998-21-00 of 22.12.2020. Topic number: FSMW-2020-0030 "Transformation of Russian Law in the Face of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundations".

³ Общий обзор этой дискуссии см.: Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник (форма) права // Евразийская адвокатура. 2016. № 5. С. 73. Современное понимание природы разъяснений Верховного

вает принцип законности, который трактуется в уголовном праве узко и строго, что, в свою очередь, считается ценным достижением правовой культуры.

После принятия действующей Конституции РФ в правовой теории наметилась тенденция к отрицанию обязательной силы разъяснений Верховного Суда, в обоснование чего приводятся изменения законодательства о судебной системе и конституционный принцип независимости судей и подчинения их только закону. Попробуем рассмотреть этот вопрос в практическом аспекте и сугубо применительно к праву уголовному.

Разъяснения Верховного Суда РФ не являются источником уголовного права, что не является вопросом дискуссионным. Единственным источником уголовного права является уго-

ловный закон⁴. Этот тезис основан не только на действующем законе, но и на старинном принципе уголовного права *nullum crimen, nulla poena sine lege*. При этом в отличие от правовых систем семьи общего права, где *lege* трактуется широко и охватывает прецедентное право⁵, в России, как, к примеру, и в Германии, *lege* понимается узко — в качестве закона, нормативного правового акта, имеющего высшую юридическую силу. *Lege* в означенной формуле в России понимается даже уже, чем в Германии: источником уголовного права является только федеральный закон, при этом не любой федеральный закон, а только закон кодифицированный — УК РФ.

Разъяснения Верховного Суда РФ, не будучи источником уголовного права, являются тем не менее официальным толкованием уголов-

Суда РФ по вопросам уголовного права см.: Скобликов П. А. Позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания и исполнения приговора: анализ ряда положений // Государство и право. № 12. С. 81, 82.

⁴ Приведенное высказывание имеет деонтическую модальность, это правило, из которого могут быть исключения. В частности, источником уголовного права являются Конституция РФ (что подтверждается актами Конституционного Суда РФ, признающими те или иные положения УК РФ неконституционными), постановления об амнистии, а также нормы международного права, которые не всегда требуют имплементации. К примеру, согласно ст. 73 Конвенции ООН по морскому праву от 10.12.1982 «...наказания, налагаемые прибрежным государством за нарушение законов и правил рыболовства в исключительной экономической зоне, не могут включать тюремное заключение, при отсутствии соглашения заинтересованных государств об обратном, или любую другую форму личного наказания». Эта норма имеет прямое действие. В качестве одного из видов наказания за нарушение правил рыболовства в исключительной экономической зоне в ч. 2 и 3 ст. 253 УК РФ предусмотрено лишение свободы. Этот вид наказания тем не менее может быть назначен судом только при условии соблюдения ст. 73 Конвенции, например гражданину России или государства, не участвующего в Конвенции, либо государства, возможность применения такого наказания с которым согласована. Для разъяснений Пленума Верховного Суда исключения из правила о том, что единственным источником уголовного права является уголовный закон, не существует.

⁵ В правовой семье общего права правило *nulla poena sine lege* трактуется в качестве частного следствия принципа верховенства права *rule of law*, ограничивающего произвол власти. В литературе (см., например: Hall J. *Nulla Poena Sine Lege* // The Yale Law Journal. 1937. V. 47. № 2. P. 165–169) отмечается, что это правило зародилось еще в Античности; в Средние века и в Новое время пионером в его продвижении стала Англия (особое значение придается Великой хартии вольностей 1215 г. и Биллю о правах 1689 г.). Французские просветители в XVIII в., в свою очередь, пропагандировали английскую конституцию в континентальной Европе, что и способствовало закреплению этого принципа в 1787 г. в Уголовном кодексе Иосифа II, императора Священной Римской империи, а в 1789 г. — в ст. 8 французской Декларации прав человека и гражданина: «Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного». Автором латинской версии этой формулы считается Пауль Иоганн Ансельм фон Фейербах (*Feuerbach von. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts*. Giessen. 1801. S. 20), у которого она представлена в виде трех правил: *nulla poena sine lege*; *nulla poena sine crimine*; *nullum crimen sine poena legali*. Можно было бы сказать, что после отмены узаконений нацистов в Германии (*Gesetz zur Änderung des Strafgesetzbuchs vom 28. Juni 1935*) и введения в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 (Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6) принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* снова стал

ного закона. Вопрос об обязательности такого толкования в практическом плане представляет большое значение. Постановления Пленума Верховного Суда РФ вступают в «силу» после их принятия Пленумом и утрачивают «силу» после их отмены Пленумом, даже постановления Пленума Верховного Суда СССР, поскольку они не противоречат российским законам, продолжают «действовать» в России, пока Пленум Верховного Суда РФ не признает их «недействующими»⁶. Что же это за «сила» и что это за «действие»? Понятно, что это не сила закона, это какая-то другая сила, проистекающая не от воли законодателя, но из иного источника.

Право (и обязанность) верховных судов давать разъяснения закона за рамками рассмотрения конкретного уголовного дела унаследовано российским правом от права советского. Это полномочие проистекает из необходимости единообразного применения законов. Единообразие не всегда красиво, но оно необходимо для существования правил, т.е. права как такового. Если в толковании закона судом нет единообразия — это будет уже не право и не его применение, а произвольное управление. Произвольное управление не во всех сферах общественной жизни допустимо, иначе оно в полной мере уничтожило бы не только право, но и свободу человека. Кроме того, нужно учитывать, что судьи (как и дознаватели, следователи и прокуроры) — не менеджеры, а специалисты в области права, произвольное управление не входит в их компетенцию.

Чезаре Беккариа отмечал: «Судьям не может принадлежать право толковать уголовные законы исключительно в силу того, что они не являются законодателями... По поводу всякого преступления судья должен построить правильный силлогизм, в котором большей посылкой служит общий закон, а малой — конкретный

поступок, противоречащий или соответствующий закону; заключение — оправдание или наказание. Если же судья по принуждению или по собственной воле построит не один, а два силлогизма, то тем самым он откроет лазейку неопределенности»⁷.

Идея эта разумна, но утопична, так как закон, будучи источником права, является всего лишь текстом, написанным на том или ином языке. Для применения закона непременно нужно истолковать закон, уяснить его смысл (вопросы права) применительно к конкретной жизненной ситуации (вопросы факта), перейти от формы права к его содержанию.

Вопросы факта устанавливаются судом на основе принципа свободной оценки доказательств, неустранимые⁸ сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Иначе обстоит дело с вопросами права, толкованием закона, уяснением его смысла. Толкование закона должно быть правильным и единообразным. Так или иначе, в любой здоровой правовой системе в результате единообразного толкования судами источников права рождается судебная доктрина, обеспечивающая правовую определенность и предсказуемость судебных решений.

Сам по себе текст закона не обеспечивает правильного и единообразного его толкования в каждом конкретном случае. Разные люди, в том числе и судьи, могут истолковать его по-разному. С одной стороны, человеческий интеллект не всемогущ, язык несовершенен, достаточно вспомнить проблему герменевтического круга. Обеспечение единообразия при толковании закона поэтому требует усилий и гарантий, в этой области разъяснения Верховного Суда РФ уместны и полезны. С другой стороны, формальная логика слишком формальна, чтобы описать действительность в ее сложности и многообразии, в законах всегда — в большей или меньшей степени — будут содержаться

общепризнанным достижением правовой культуры, но это уже не так (см.: *Тихонравов Е. Ю.* Принцип *nullum crimen sine lege* в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 554).

⁶ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации». П. 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9. С. 14–16.

⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 75–76.

⁸ Оценивая «неустранимость» сомнений, нужно учитывать, что уголовное судопроизводство у нас уже не инквизиционное, а состязательное, суд по общему правилу не вправе принимать на себя функцию обвинения. Федеральным законом от 21.07.2014 № 269-ФЗ суд тем не менее на стадии предварительного слушания наделен правом вернуть дело прокурору при наличии оснований для квалификации содеянного как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

оценочные признаки⁹. В этом случае единообразие уже не требуется, нормой будет то, что вопрос оставлен на усмотрение судьи, и он, как правило, должен мотивировать свое решение по такому вопросу. Такой вопрос будет опять же «вопросом факта». Попытки формализовать оценочные признаки, в том числе и в разъяснениях Верховного Суда РФ, на законе основаны не будут, что не исключает тем не менее возможность рекомендаций, выраженных не в императивной форме.

В разных правовых семьях и системах единообразие при применении правовой нормы обеспечивается по-разному. В истории права становление правопорядка начиналось с обычая, который постепенно стал правовым, а по мере обособления сначала судебных органов, а затем и судебной власти превратился в обычай судебный, в основе которого лежит судебный прецедент. В настоящее время судебный прецедент остается важным источником права в семье общего права и в международных судах. Судебный прецедент не стимулирует судебный произвол. Напротив, он связывает суды. Тем не менее иногда неудачное или устаревшее судебное решение источником права не становится, оно просто отвергается или забывается, после чего суды толкуют закон иначе. Вышестоящие суды (которые выступают скорее в качестве сдерживающего, консервативного фактора, а не проводника инноваций¹⁰) при рассмотрении конкретных дел обеспечивают единообразие при применении норм права. При наличии разумных оснований они могут открыть путь для изменения и развития судебной доктрины.

В любом случае уяснить судебную доктрину было бы крайне сложно без юридической литературы, трудов правоведов, обобщающих и комментирующих судебные решения.

В романо-германской семье функцию обеспечения единообразного применения правовой нормы выполняют подробные кодексы и в дополнение к ним, как и в семье общего права, судебная доктрина, которая обобщается и доводится до сведения юристов в трудах правоведов. Большое значение при этом имеют учебники и комментарии законов, предназначенные для обучения юристов и помощи практикующим юристам в их работе. Правильный учебник или комментарий к уголовному кодексу, обобщая судебную практику, отражает не что иное, как судебную доктрину, будучи базовой формой ее существования, сохраняющей ее смысл и позволяющей людям ее познать. В правовой доктрине есть много вопросов хрестоматийных и недискуссионных. Но есть и дискуссионные вопросы, при наличии которых исследование материалов конкретных решенных дел может стать актуальным. К примеру, Мишель-Лаура Расса во французском учебнике по особенной части уголовного права, раскрывая признак похищения, состоящий в том, что похищаемое имущество должно принадлежать кому-то, ссылается на двух с небольшим страниц на 20 судебных решений¹¹. В Германии огромный авторитет имеют комментарии законов, ссылка в судебном акте на авторитетные комментарии — «официальная и неоспоримая практика»¹². В комментариях, в свою очередь, отражены как авторитетные труды юристов,

⁹ В УК РФ оценочные признаки «общественная опасность», «малозначительность» внедрены уже в ключевое понятие преступления. Это одна из причин того, что полноценное «электронное» правосудие невозможно. Нельзя доверять правосудие искусственному интеллекту, судья не может быть бездушным, бессовестным и безнравственным. Он должен нести ответственность за свои решения перед своей совестью.

¹⁰ Инновации, как правило, исходят от законодателя, реже — от судов первой инстанции. В первом случае высшие судебные инстанции, создавая прецеденты, могут внести здравый смысл в применение неудачного статута, во втором осуществляют свои функции по пересмотру судебных решений, при этом положения судебной доктрины попадают в мотивировочную часть судебного акта, что объясняет особо важное значение ее высокого качества.

¹¹ *Rassat M.-L. Droit pénal spécial. Paris : Dalloz, 2018. P. 141–143.*

¹² *Мушнина М. М. О немецких комментариях как типе текста // Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 13.* В качестве примера можно привести постановление по уголовному делу о краже (AG Köln, Urteil vom 10.08.2012 — 526 Ds 395/12), где в обоснование своей позиции по вопросам права судья трижды ссылается на «краткий», предназначенный для практикующего юриста комментарий к уголовному кодексу Т. Фишера (последнее, 68-е издание: *Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. München : C. H. Beck, 2021*), один раз на «большой» многотомный комментарий к гражданскому кодексу Ю. фон Штауденге-ра (J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen).

так и ключевые судебные решения. Учебник уголовного права и комментарий к уголовному кодексу — это, как правило, труд многих поколений юристов, обновляется литературная форма, доктрина развивается, но постепенно и без лишнего творчества, с учетом изменений в законе и практике его применения. Право имеет идеальную природу, оно существует в сознании людей, кратчайший путь его познания (и одна из форм его бытия) — это хороший учебник или комментарий. Учебник и комментарий издает издатель, коммерсант. Насколько хороший учебник и комментарий, решает потребитель, студент или практикующий юрист, голосуя за него кошельком. Потребность в наделении высших судов правом толковать закон за рамками конкретного дела при этом не возникает.

В России после революционных событий 1917 г. и запрета в 1918 г. ссылаться на законы свергнутых правительств¹³ право должно было умереть, диктатура пролетариата не была связана правом, судам предписано было руководствоваться революционным правосознанием. Необходимость реставрации права (реставрации временной, на переходный период к коммунизму) стала очевидной при переходе к новой экономической политике (нэп). При этом

ни практика старорежимных судов, ни труды старорежимных юристов доверия не внушали. Нужна была новая, политически «правильная» судебная доктрина, творческая работа над которой легла на плечи Народного комиссариата юстиции РСФСР¹⁴, затем Верховного Суда РСФСР¹⁵, а затем и Верховного Суда СССР¹⁶.

Мы живем уже в другое время, в других условиях. Представляется тем не менее, что отказать от разъяснений Верховного Суда РФ в качестве официального толкования уголовного закона, официального источника судебной доктрины было бы нецелесообразно.

Мы не можем принять прецедентное право, его просто нет в России, нет ни правовой стабильности, ни единообразия судебных решений. Ситуация усугубляется в связи с законодательной чехардой, когда ежегодно принимается около 500 только федеральных законов, с которыми ни депутаты и сенаторы, за них проголосовавшие, ни глава государства, их подписавший, не могли даже физически ознакомиться ввиду ограниченности человеческих возможностей.

По той же причине не могут всерьез способствовать единообразному применению уголовного закона и правоведа. Юридические науки и

Buch 3, Sachenrecht § 925–984 / hrsg. K. H. Gursky. Berlin : Sellier — De Gruyter, 2011) и еще на один комментарий судебного решения. Традиционный «большой» комментарий к уголовному кодексу — Лейпцигский (StGB: Leipziger Kommentar: Grosskommentar) издается также издательством De Gruyter с 1919 г. и систематически обновляется, он в большей мере ориентирован на академического читателя. В 2003 г. издательством С. Н. Beck начато издание также весьма обширного (8 томов) Мюнхенского комментария (Münchener Kommentar zum StGB / hrsg. W. Joecks, K. Mießbach). Carl Heymanns Verlag издает свой шеститомный Systematische Kommentar zum Strafgesetzbuch (SK-StGB; hrsg. H.-J. Rudolphi, J. Wolter).

¹³ Примечание к ст. 22 Декрета ВЦИК от 30.11.1918 «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Известия ВЦИК. 1918. 8 и 10 ноября.

¹⁴ Пункт 1 Положения о высшем судебном контроле, утвержденного декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10.03.1920 (Известия ВЦИК. 12.03.1920), возлагал функцию общего надзора за деятельностью судов и «преподавание им руководящих разъяснений и указаний по действующему советскому праву» на Наркомат юстиции РСФСР. Функция высшего судебного контроля была возложена на наркомат, в свою очередь, Положением о народном суде РСФСР, утв. декретом ВЦИК от 21.10.1920 (СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407).

¹⁵ Статьей 60 Положения о судоустройстве РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК от 11.11.1922 (СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902), к ведению пленарных заседаний Верховного Суда РСФСР было отнесено «правильное истолкование законов по вопросам судебной практики, возбуждаемое отдельными коллегиями или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по предоставлению Президиума Верховного Суда, прокурора республики или его помощника, состоящего при Верховном Суде».

¹⁶ Статьей 2 Положения о Верховном Суде СССР, утвержденного постановлением Президиума ЦИК СССР от 23.11.1923 (СЗ СССР. 1924. № 19. Ст. 183), к компетенции Верховного Суда СССР была отнесена «дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений и толкований общесоюзного законодательства».

юридическое образование в России переживают не лучшие времена. Юридическое образование подвержено жесткому прессингу со стороны бюрократии, нездоровый объем аудиторной и бюрократической нагрузки не оставляют ни времени, ни сил для изучения судебной практики и ее обобщения. Следствием прямого вмешательства бюрократии в образование стали краткие «учебники для бакалавров», которые малопригодны для подготовки квалифицированных специалистов. Судебная доктрина слишком сложна, ее невозможно изложить в кратких и простых для понимания учебниках, квалифицированным юристом может быть не каждый. Специалисты «заинтересованных» ведомств, занимающиеся юридическими науками, в свою очередь, в работе нередко преследуют ведомственный интерес, который не всегда совпадает с общественным.

В целом юридические науки поражены новаторским и реформаторским зудом. Изучение и обобщение практики, участие тем самым в формировании судебной доктрины и правовой догмы уже не считается достойным занятием для научного работника, от него требуют инноваций. Инновации в праве по общему правилу вредны и опасны. Они не формируют доктрину, а разрушают ее, подрывая стабильность правового регулирования. Дополнительный удар по российской правовой системе — внедрение наукометрии, в результате чего объем публикуемой юридической литературы резко увеличился с пропорциональным снижением ее качества. Эта новая юридическая литература ориентирована не столько на разъяснение правовых норм (что необходимо для практики), сколько на их критику в инновационном контексте, при этом иногда сложно понять, где автор выступает *de lege ferenda*, а где *de lege lata*. В итоге подрывается авторитет юридической литературы как таковой. Практикующие юристы (в том числе и судьи) перестали ее читать и обратились к самостоятельному изучению судебной практики, для чего у них нет времени и отсутствует методология. Нередко случайным судебным решениям, в том числе и ошибочным, придается значение источника права, хотя означенные решения вовсе не являются сложившейся судебной практикой и не входят, таким образом, в состав судебной доктрины. В результате исчезает правовая

определенность и предсказуемость судебных решений.

Далеко не всегда решение суда по конкретному делу может служить образцом для подражания. В любом случае правило, выведенное из изучения судебной практики, должно быть пригодно для общего применения. Рассмотрим пример. 13 июня 1993 г. организованная группа совершила разбойное нападение, завладев 646,5 млн руб. Соучастник разбоя рассказал об этом лицу, в нападении не участвовавшему, вместе они решили шантажировать других соучастников разбоя (Б. и Р.), потребовав 6 тыс. долл. США, угрожая разоблачением, в октябре 1993 г. денежная сумма была им передана. Шантажисты были осуждены за вымогательство. Приговор был пересмотрен Президиумом Верховного Суда РФ, дело в части вымогательства прекращено за отсутствием состава преступления. Суд исходил из того, что шантажисты достоверно знали о разбойном нападении и имели целью завладеть определенной частью похищенного, «т.е. перераспределить между собой уже похищенные деньги». Далее суд указал, что в соответствии с процессуальным законом потерпевшим может быть признано лицо, которому преступлением был причинен вред, оснований для вывода о причинении кому-либо вреда в результате вымогательства нет, то обстоятельство, что шантажисты завладели частью денежных средств, полученных преступным путем, делает невозможным признание этого обстоятельства причинением имущественного вреда. Далее суд указал, что статья 163 УК РФ определяет вымогательство как требование передачи чужого имущества под угрозой распространения не любых сведений, а сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего. «Возможное разглашение сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Б. и Р. либо причиняющим вред их правоохраняемым, т.е. законным, интересам»¹⁷. На этом основании в солидном комментарии к УК сделан вывод: «Охраняемое уголовным законом владение может быть только законным. Поэтому ВС РФ обоснованно не признал вымогательством требование передачи части заведомо преступно приобретенного имущества ввиду того, что

¹⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2001 № 1039п2000.

завладение ранее похищенным не причиняет имущественного вреда»¹⁸. Очевидно тем не менее, что лозунг «грабь награбленное»¹⁹ утратил актуальность и не может лежать в основе уголовной политики правового государства. Законность владения не входит в предмет доказывания по уголовному делу, в большинстве случаев законность владения, например, деньгами не может быть установлена, ведь всегда можно предположить, что потерпевший нажил имущество преступным путем. Нельзя забывать и правило, согласно которому все неустранимые сомнения надлежит толковать в пользу обвиняемого. Из означенного судебного акта можно сделать значительно более скромный вывод: «Угроза сообщением о совершенном преступлении со стороны участника разбойного нападения с целью перераспределения между соучастниками похищенного имущества вымогательства не образует». Но и этот вывод сам по себе еще не входит в состав судебной доктрины, для чего нужна сложившаяся, повторяющаяся, единообразная судебная практика.

С учетом современного состояния российской правовой системы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, призванные обеспечить единообразное толкование закона, весьма актуальны и полезны. Представляется, что они обязательны для всех, не только для судов, но и для других лиц, применяющих уголовный закон или призванных к его соблюдению. Их обязательность основана на ст. 126 Конституции РФ, которая предоставляет право (и возлагает обязанность) давать разъяснения по вопросам судебной практики именно на Верховный Суд РФ, а, к примеру, не на органы, осуществляющие уголовное преследование²⁰. Их обязательность

вытекает из самой природы права, для которого единообразное толкование закона является необходимым условием существования, иначе право сменяется произволом.

Из общего правила об обязательности разъяснений Верховного Суда РФ есть три исключения.

Исключение первое. Бывают *ошибочные* разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. К сожалению, качество разъяснений постепенно падает, они становятся все более длинными, тяжелый канцелярский стиль делает текст постановлений Пленума сложным для понимания, не всегда к разработке проектов постановлений привлекаются действительно компетентные специалисты, иногда специалисты пытаются внедрить в текст постановления свои инновационные идеи, не всегда основанные на законе. Не исключены и чисто технические описки. Со временем ошибки исправляются, но и до их исправления они на практику могут не влиять, поскольку компетентные судья, прокурор и следователь толкуют закон правильно. Пример: пункт 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняет, что освобождение несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 432 УПК РФ) является условным, в случае систематического неисполнения принудительной меры суд вправе отменить постановление о применении такой меры и направить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего на новое судебное рассмотрение. Это разъяснение

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2020. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII–VIII. С. 171–172.

¹⁹ Этот лозунг был актуален во время военного коммунизма, когда частная собственность отрицалась. «Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное» (Ленин В. И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию 23 января (5 февраля) 1918 г. // ПСС. Т. 35. С. 327).

²⁰ Хотя и такие разъяснения имеются, см., например: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, опубликованные 14 апреля 2014 г. на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<https://genproc.gov.ru>), Памятка дознавателя ФССП России, доведенная до сведения дознавателей письмом ФССП России от 30.03.2017 № 00043/17/27998-ДА (Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2017. № 5), письмо Федерального агентства лесного хозяйства от 25.02.2016 № ЕК-07-54/1985 «О рубке сухостойных деревьев и присвоении древесины ветровальных, буреломных деревьев». Эти разъяснения не являются официальным толкованием уголовного закона и в целом нежелательны, хотя иногда и полезны в практическом плане, например методические рекомендации Генеральной прокуратуры.

на законе не основано и прямо ему противоречит. Данный вид освобождения от наказания применяется обвинительным приговором суда без назначения наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ; п. 3 ч. 5 ст. 302, ч. 1 ст. 432 и УПК РФ; п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1), это безусловное и окончательное освобождение от наказания, при этом лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Материальное право (ст. 92 УК РФ) не предусматривает возможности отмены принудительных мер при освобождении от наказания, оно предусматривает возможность их отмены только при освобождении от ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ) с направлением материалов для привлечения несовершеннолетнего к ответственности (при этом до вступления в силу обвинительного приговора, если он будет вынесен, лицо считается невиновным в силу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ)²¹. Процессуальное право, в свою очередь, поскольку дело решенное (*res judicata*), не предусматривает возможности вынесения второго приговора по тому же делу. Наличие вступившего в силу приговора препятствует производству по делу (п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Вступивший в законную силу приговор может быть пересмотрен (отменен или изменен) только в кассационном, надзорном порядке или ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Для этого нужно, чтобы уже в момент вынесения приговора он был незаконным, «систематическое неисполнение принудительной меры» не является основанием для пересмотра приговора.

Исключение второе. Бывают *устаревшие* разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, причем устаревать они могут быстро. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ норма о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) была дополнена пятью специальными нормами (ст. 159.1–159.5) о мошенничествах в разных сферах и одной самостоятельной нормой о мошенничестве

в сфере компьютерной информации (ст. 159.6), для применения которой способ в виде обмана уже не требовался, достаточно было неправомерного воздействия на компьютерную информацию. Норма о компьютерном мошенничестве при этом была снабжена неадекватно мягкой санкцией. В это время активно внедрялись безналичные расчеты с помощью платежных карт, в которые вовлекались широкие слои населения, включая работников и пенсионеров, которым банковские карты выдавались для получения заработной платы и пенсий. В итоге получили распространение массовые мошенничества с банковскими картами. Статья 159.3, посвященная мошенничеству с использованием платежных карт, применялась только в случае обмана «уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации». Правила платежных систем, однако, давно уже не предусматривали обязательную идентификацию плательщика при расчетах платежными картами, поэтому статья 159.3 повисла в воздухе. В случае мошенничества с использованием платежных карт и иных средств платежа выбор нужно было делать между ст. 159 и 159.6, при этом правильным выбором была статья 159.6, поскольку мошенник, используя электронные средства платежа, неправомерно воздействует на компьютерную информацию непосредственно, никого не обманывая. Судебная практика тем не менее, учитывая неадекватность санкций в ст. 159.6, пошла по другому пути, вменяя в случаях такого мошенничества норму о краже²², игнорируя то обстоятельство, что широкое определение способа при воровстве (открытое хищение при грабеже, тайное — при краже, все жизненные ситуации охвачены) компенсируется узким определением прочих объективных признаков, в том числе и признаков предмета преступления. Пленум Верховного Суда РФ в 2017 г. такую практику одобрил²³. Проблема была решена Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ, санкции в ст. 159.6 исправлены, статья 159.6 приведена в соответ-

²¹ Поэтому сложно согласиться с В. И. Качаловым, который считает, что проблема процессуальная, ее можно решить путем назначения наказания несовершеннолетним при освобождении их от наказания (Качалов В. И. Отмена принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: уголовно-процессуальный аспект // *Lex russica*. 2017. № 8. С. 223).

²² Такая квалификация изначально была неточной, тем не менее она стала массовой, хотя единообразие в практике и отсутствовало (см. подробнее: Клепицкий И. А. Кража безналичных денег: простой ответ на простой вопрос // *Уголовное право*, 2020. № 5. С. 78–87).

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». П. 17 и 21 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2018. № 2. С. 7–13.

ствие с действительностью, обман больше не рассматривается в качестве признака этого преступления, достаточно использования любых электронных средств платежа, в ст. 158 указано, что вменение кражи безналичных денег возможно только при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 (представляется, что таких случаев быть не может), но постановление Пленума, принятое в 2017 г., формально сохраняет свою силу. В практике наметилась тенденция к правильной квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, но единообразие не достигнуто²⁴. При таких обстоятельствах приведение постановления 2017 г. в соответствие с действующим законом весьма актуально. В случае явного противоречия разъяснений Верховного Суда РФ закону, в особенности закону новому, принятому после утверждения разъяснений, правильно руководствоваться законом.

Исключение третье. Бывают *казуистичные* разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ не просто толкует закон, он разъясняет сложившуюся судебную практику. В основе разъяснений лежит обобщение судебной практики. Технология такова, что частные случаи в результате их сопоставления и теоретического осмысления возводятся в общее правило. Если теоретик права в нормотворчестве может строить систему права от общего к частностям, как это удалось Г. Кельзену, то работа по обобщению судебной практики ведется в противоположном направлении. Выявляются типичные правовые ситуации, типичное толкование закона, затем уже оценивается разумность того или иного решения. Результат с неизбежностью получается казуистичным, что тем не менее в значительной степени отвечает потребностям правоприменения. Даже закон иногда требует ограничительного или расширительного толкования. Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, так же как и закон, имеет форму текста, толкование которого не всегда может быть буквальным. К примеру, Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от

27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, совершаемое путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенное единым умыслом. Во всех ли случаях разъяснение о «едином источнике» актуально? Приговором установлено, что руководитель энергоснабжающей организации представил в департамент цен и тарифов ложные сведения, в результате чего был завышен регулируемый тариф, множеству потерпевших (конечным потребителям) причинен имущественный ущерб. Единого источника не было, но лицо осуждено за единое мошенничество в особо крупном размере²⁵. Для стороны обвинения такая квалификация была удобна в контексте ее простоты, кроме того, она в полной мере соответствовала научной доктрине, для которой определяющим критерием единого продолжаемого преступления является единый умысел, а не единый источник. Защита также не была заинтересована во вменении множественности преступлений. У судьи, в свою очередь, не было серьезных оснований для возвращения дела прокурору. Учел ли судья разъяснение Пленума о «едином источнике» при рассмотрении дела? Представляется, что учел, но решил, что применительно к данной конкретной ситуации это разъяснение неактуально, правило о «едином источнике» является руководством к действию не во всех ситуациях. Например, оно может быть актуально при разбоях, когда разбойники остановили автобус и последовательно грабят его пассажиров. Но применимо ли оно к мошенничествам или к тем же разбоям, сопряженным с нападением на одного водителя, перевозящего сборный груз разных хозяев, — вопрос небесспорный.

Таким образом, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязательны в той мере, в которой они отражают реально существующую судебную доктрину, сложившуюся судебную практику. Если же они устаревают, противоречат закону или столь казуистичны, что не под-

²⁴ Судом установлено, что подсудимый списал деньги со счета потерпевшего, используя найденную банковскую карту, суд первой инстанции содеянное квалифицировал как кражу. Суд кассационной инстанции переквалифицировал содеянное на ст. 159.3 УК РФ, сославшись на действующий закон. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определением от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 отменила определение кассационного суда, указав, что способами хищения при мошенничестве, в том числе и при мошенничестве с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3), являются обман и злоупотребление доверием, что на действующем законе не основано.

²⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 13.09.2017 по делу № 1-1/2017.

лежат буквальному толкованию в конкретном случае — их также нужно учитывать (обращать внимание), но не всегда обязательно следовать буквальному их смыслу. В конечном счете судья должен толковать закон правильно, осознавая при этом необходимость единообразного его применения.

В идеале разъяснения Пленума Верховного Суда РФ должны быть консервативными и должны отражать именно сложившуюся судебную практику. Иногда тем не менее важные изменения закона при отсутствии единообразного его толкования судами вызывают потребность в оперативных разъяснениях до того, как такая практика сложится, — в такой ситуации работа над разъяснениями в большей степени носит творческий характер. В подобных ситуациях можно использовать и другой инструмент: согласно ст. 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Президиум Верховного Суда «рассматривает отдельные вопросы судебной практики». Это полномочие может быть сопряжено с утверждением обзоров судебной практики и иных подобных документов. Нередко эти документы содержат не что иное,

как разъяснения по вопросам судебной практики, обычно они содержатся в тематических обзорах²⁶ и «ответах на вопросы»²⁷. Правовая природа этих разъяснений сродни разъяснениям Пленума. Статья 126 Конституции РФ не определяет, в каком составе Верховный Суд РФ дает разъяснения. Закон не называет разъяснения Президиума «разъяснениями», тем не менее если они таковыми являются, то могут рассматриваться в качестве официального толкования закона.

Учитывая правовую природу разъяснений Верховного Суда РФ, важно, чтобы они прямо не противоречили закону там, где положения закона понятны²⁸. Кроме того, если единообразное толкование закона уже сложилось, оно отражено в постановлениях Пленума, иных доктринальных источниках, то Верховному Суду РФ правильно воздержаться от изменений, не оправданных острой в них потребностью²⁹. Верховный Суд РФ имеет право законодательной инициативы, но не является законодателем. Его функция не в разрушении судебной доктрины, а в ее формировании и сохранении, накоплении тем самым правовой определенности.

²⁶ См., например: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12. С. 25–30.

²⁷ См., например: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 72 УК РФ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1. С. 45–47.

²⁸ К примеру, пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что действия всех соучастников в получении взятки организованной группой следует квалифицировать как соисполнительство. В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», в п. 13, содержалось прямо противоположное разъяснение со ссылкой на действующий закон (ст. 34 УК РФ). Закон не изменился, но в новом разъяснении ссылка на закон исчезла, что и позволило этим законом пренебречь.

²⁹ Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» резонно разъяснял, что приобретение наркотика с целью сбыта образует приготовление к сбыту. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 это разъяснение изменено: разъяснено, что при таких обстоятельствах содеянное правильно квалифицировать не как приготовление, а как покушение. В итоге встал вопрос о действии «уголовного закона» во времени, о том, является ли постановление Пленума уголовным законом, источником уголовного права, и о пересмотре принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Если суды руководствуются не законом, а разъяснением Пленума, им должны, наверное, руководствоваться и дознаватели, следователи и прокуроры. В случае же, если разъяснения Пленума будут противоречить указаниям их начальников, они, наверное, должны руководствоваться указаниями начальников, право же им вообще знать и изучать не надо. Важно и то, что был нанесен серьезный удар по доктринальному учению о стадиях совершения преступления, по общей части уголовного права, очень болезненный в практическом плане, и это затронуло не только преступления, связанные с оборотом наркотиков (см.: Щербаков А. Д. Наркотики в

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения : в 4 т. — М., 1984. — Т. 4.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. — М., 1995.
3. *Качалов В. И.* Отмена принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: уголовно-процессуальный аспект // *Lex russica*. — 2017. — № 8. — С. 217–223.
4. *Клепицкий И. А.* Кража безналичных денег: простой ответ на простой вопрос // *Уголовное право*. — 2020. — № 5. — С. 78–87.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. — М., 2020.
6. *Ленин В. И.* Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию 23 января (5 февраля) 1918 г. // *ПСС*. — Т. 35. — С. 327.
7. *Мушчинина М. М.* О немецких комментариях как типе текста // *Юрислингвистика*. — 2017. — № 6. — С. 3–18.
8. *Скобликов П. А.* Позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания и исполнения приговора: анализ ряда положений // *Государство и право*. — 2020. — № 12. — С. 76–84.
9. *Тихонравов Е. Ю.* Принцип *nullum crimen sine lege* в истории отечественного уголовного права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2017. — Вып. 38. — С. 548–557.
10. *Чашин А. Н.* Судебная доктрина как источник (форма) права // *Евразийская адвокатура*. — 2016. — № 5. — С. 70–78.
11. *Щербаков А. Д.* Наркотики в России и США. — М., 2016.
12. *Feuerbach A.* Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden peinlichen Rechts. — Giessen, 1801.
13. *Fischer T.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze. — München : C. H. Beck, 2021.
14. *Hall J.* Nulla Poena Sine Lege // *The Yale Law Journal*. — 1937. — V. 47. — № 2. — P. 165–193.
15. *J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen*. — Buch 3, Sachenrecht § 925–984 / hrsg. K. H. Gursky. — Berlin, 2011.
16. *Rassat M.-L.* Droit pénal spécial. — Paris, 2018.

Материал поступил в редакцию 27 января 2021 г.

REFERENCES

1. Aristotle. *Politika*. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Politics. Essays in four volumes]. Moscow; 1984. Vol. 4. (In Russ.).
2. Beccaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About crimes and punishments]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Kachalov VI. *Otmjena prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh: ugovovno-protsessualnyy aspekt* [Termination of Coercive Measures of Educational Impact in Relation to Minors: A Criminal Procedure Aspect]. *Lex russica*. 2017;(8):217-223. (In Russ.).
4. Klepitskiy IA. *Krazha beznalichnykh deneg: prostoy otvet na prostoy vopros* [Theft of cashless money: A simple answer to a simple question]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2020;5:78-87. (In Russ.).
5. Lebedev VM, editor. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 4 t.* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: In 4 vols]. *Osobennaya chast* [Special part]. Sec. VII-VIII. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Lenin VI. *Rech pered agitatorami, posylaemymi v provintsiyu 23 yanvarya (5 fevralya) 1918 g.* [Speech to agitators sent to the provinces on January 23 (February 5), 1918]. *PSS*. Vol. 35. (In Russ.).
7. Mushchinina MM. *O nemetskikh kommentariyakh kak tipe teksta* [German Commentaries as a Text Type]. *Yurislilingvistika* [Legal Linguistics]. 2017;6:3-18. (In Russ.).
8. Skoblikov PA. *Pozitsii Plenuma Verkhovnoy Suda RF po voprosam naznacheniya nakazaniya i ispolneniya prigovora: analiz ryada polozheniy* [Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

России и США. М., 2016. С. 59). Учитывая, что приготовление к преступлению (в отличие от покушения) по общему правилу ненаказуемо, удар этот может иметь следствием не основанную на законе массовую криминализацию preparatory actions, в том числе, например, и по делам об экономических преступлениях.

- on sentencing and execution: analysis of a number of provisions]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2020;12:76-84. (In Russ.)
9. Tikhonravov EYu. Printsip nullum crimen sine lege v istorii otechestvennogo ugolovnogo prava [The principle of nullum crimen sine lege in the history of Russian criminal law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2017;38:548-557. (In Russ.).
 10. Chashin AN. Sudebnaya doktrina kak istochnik (forma) prava [Judicial doctrine as a source (form) of law]. *Evraziyskaya advokatura [Eurasian Advocacy]*. 2016;5:70-78. (In Russ.).
 11. Shcherbakov AD. Narkotiki v Rossii i SSh [Drugs in Russia and the USA]. Moscow; 2016. (In Russ.).
 12. Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts. Giessen; 1801. (In Germ.).
 13. Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. München: C. H. Beck; 2021. (In Germ.).
 14. Hall J. Nulla Poena Sine Lege. *The Yale Law Journal*. 1937;47(2):165-193. (In Eng.).
 15. Rassat M-L. Droit pénal spécial. Paris; 2018. (In Fr.).
 16. Staudingers J. von. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 3, Sachenrecht § 925–984. hrsg. K. H. Gursky. Berlin; 2011. (In Germ.).